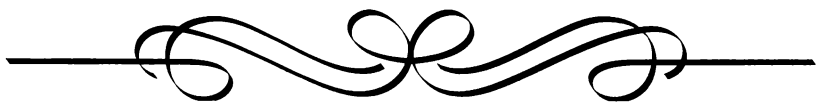

Глава XXI

Смерть Ивана

Смерть старшего сына в ноябре 1581 года окончательно сломила дух Ивана. Казалось, что царь утратил желание заниматься государственными делами и усмирять окружающих его бояр; им овладела забота о том, чтобы загладить, по крайней мере, некоторые из нанесенных им ранее обид. В 1582 году были приняты меры по предотвращению ложных доносов¹. Царь простил некоторых опальных, а на помин души тех, кто лишился жизни без покаяния, в монастыри отсылались крупные суммы денег. Одним из памятников этого сокрушения Ивана являются относящиеся к этому времени Синодики, где перечисляются его жертвы: в первый из них, посланный в московский Симонов монастырь, внесены семьдесят четыре имени; второй, со списком из семидесяти пяти имен, был отправлен в Соловки. В мае 1582 года Псково-Печерский монастырь получил приказ молиться за семьдесят пять человек, в том числе за самых знаменитых жертв периода начала опричнины, таких, как князь Александр Горбатый-Шуйский и Иван Петрович Федоров, казненные в 1565 и 1569 годах. В Кирилло-Белозерский монастырь было послано 2000 рублей на поминовение души царевича Ивана Ивановича, и вообще на монастыри обрушился поток золота для молитв за души трех тысяч жертв, в том числе за многих, *«чьи имена знает лишь Господь»*. Историки, склонные к цинизму, объясняют это необходимостью обеспечить с помощью цер-

кви безболезненное восшествие на престол Федора Ивановича после смерти его отца². Ведь угрызания Ивана по поводу пролитой им крови не простирались настолько далеко, чтобы освободить заключенных из тюрем. Мертвые вызывали у него больше сочувствия, чем живые.

С конца 70-х годов Иван страдал от тяжелой болезни, о которой почти ничего не известно, но считается, что как раз с этого времени, а может быть, и раньше, его мучили боли в позвоночнике, и каждое движение причиняло боль, так что он не мог ездить верхом и путешествовал на носилках³. Еще в 1572 году, когда царь остановился в окрестностях Новгорода, чтобы побеседовать со шведским послом Юстеном, епископом Або, который был так плохо им принят, он ехал в коляске, не верхом⁴. Впрочем, когда в 1578 году царь и его сын Иван участвовали в разорении ливонской колонии «*Нарва и Дерпт*» в Москве, они были на лошадях⁵.

О смерти Ивана сохранился рассказ очевидца, правда, не очень надежного, а именно Джерома Горсея. Однако у Горсея не было особой заинтересованности в том, чтобы скрывать правду об обстоятельствах кончины Ивана, поэтому у нас нет оснований не доверять его свидетельству о последнем дне царя, хотя даты, 18 марта 1584 года, он не приводит.

В день своей смерти Иван, как обычно, на кресле был перенесен в сокровищницу, где он велел принести ему драгоценные камни и украшения и стал рассказывать об их качествах и способностях. Взяв в руку коралл и бирюзу, Иван, по словам Горсея, объявил: *«Я отправлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть»*⁶. (Считалось, что в присутствии яда бирюза изменяет свой цвет.) В полдень царь просматривал свое завещание (его текст не сохранился, но говорят, что он оставил царство сыну Федору, а в удел второму сыну Дмитрию — Углич), затем приказал своему врачу и аптекарю приготовить все необходимое для бани, после чего послал спросить своих колдуний, поскольку предсказанный ими день его смерти уже клонился к вечеру. Но ему было сказано, что время еще есть, потому что день кончается только с заходом солнца. После обеда Иван пошел мыться в бане, *«развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать»*. Выйдя из бани хорошо освеженным, он лег в постель, одетый в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки, и послал за шахматами. У постели царя стояли Богдан Бельский

и Борис Годунов. Неожиданно Иван ослаб и повалился навзничь. Аптекарь послал за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. «*Тем временем он был удушен и ооченел*» [he was strangled and stark dead — sic! — *I. de M.*], — пишет Горсей, добавляя, что была сделана попытка помочь ему, чтобы остановить панику. Но было слишком поздно. Горсей ничего не упоминает о попытке постричь Ивана в этот момент в монахи, так что царь скончался без соборования. Но его духовник поспешил переодеть тело в монашескую одежду «*ангельского чина*» под именем Иона⁷.

Существует немало других версий кончины Ивана, большая часть которых строится на том, что он умер насильственной смертью. В «Жизни великого князя Московского» пастора Одерборна, опубликованной на латыни в 1585 году, вскоре после смерти Ивана, говорится, что царь долгое время тяжело болел, причем не мог говорить, есть и пить, а его тело было покрыто червями. Он призывал к себе своего покойного сына Ивана. Одерборн склонен к явному преувеличению, он не был очевидцем, и его рассказ противоречит рассказу Горсея, который выглядит более правдоподобным.

Был ли Иван убит? Следует ли понимать слова Горсея таким образом, что Бельский и Годунов ускорили его конец? Он выражается недостаточно ясно⁸. Если царь был «удушен» или удушен, то эти два человека должны были сговориться, поскольку, действуя в одиночку, каждый из них был бы выдан другим. Существо проблемы заключается в том, что имел в виду Горсей, говоря, что «он был удушен»? Означало ли это, что он задохнулся, умер от удушья или в самом деле был удушен какой-то внешней силой, или же Горсей имеет в виду, что Иван подавился, быть может пищей, или в результате действия яда, принятого при мытье в бане, что вполне могло вызвать смерть?

Многие иностранцы, посещавшие Россию, оставили свои описания царя, сходные в ряде физических и психологических черт. В 1963 году было произведено исследование его костей, извлеченных из саркофага в Архангельском соборе наряду с останками других членов царской фамилии. Эксгумация тела царя, кроме того, дала возможность первому русскому специалисту по портретной реконструкции, М.М. Герасимову, воссоздать «*подлинное*» изображение Ивана, показывающее реального человека с орлиным носом Палеологов, высоким лбом, чувственным ртом и, как и следовало ожидать, властным взглядом. О

его глазах писали и что они маленькие, и что большие; они были светлыми и блестящими, и часто перебежали с места на место. Имперский посол Принц из Бухова описывает Ивана как очень высокого, крепкого и полнотелого мужчину. У него были длинные и густые волосы и борода темно-рыжего цвета; как большинство русских, добавляет Принц, он брил голову. *«Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие»*⁹. Горсей, который часто с ним встречался, пишет, что царь был *«приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос — настоящий скиф, хитрый, жестокий, кровожадный, безжалостный, сам по своей воле и разумению управлял как внутренними, так и внешними делами государства»* (хотя Горсей считает, что Россия была слишком обширна для *«одного правления»*). Другие говорят, что он выглядел как *«разъяренный воин»*. Часто отмечалось также, что Иван обладал великолепной памятью и острым саркастическим умом. Ему, несомненно, нравилось нагнетать страсти в столкновениях с боярами и чужеземными посланцами¹⁰. Курил ли он? В 1575 году Принц из Бухова передал Ивану в качестве подарка от императора Максимилиана II курительную трубку и траву, дотоле в России неизвестную, а именно табак, который был прислан тому его испанскими кузенами¹¹.

История болезни Ивана очень плохо изучена. В раннем детстве он, по-видимому, страдал некоторое время от чирия, или карбункула, находившегося на затылке, если принять простейшее объяснение, а если для описания духовного и физического состояния представителя русского правящего дома этого недостаточно, то от золотухи¹².

С точки зрения современной медицины можно предположить, что царь болел спондилезом. Этот недуг ведет к образованию вдоль позвоночника остеофитов, которые сдавливают нервы спинного мозга. Такое состояние может приводить к сильным болям, хотя и не обязательно. Однако, ничто, кроме проведенного исследования костей Ивана, этого не подтверждает. Тем не менее, многие историки считают, что болезнь эта имела место¹³. После 1963 года проводились новые химические и медицинские анализы, тщательно изучавшиеся российскими и американскими экспертами¹⁴.

Мысль о, возможно, имевшем месте отравлении Ивана также принималась во внимание, поскольку во время проводившегося в 1963 году вскрытия в костях царя и членов царской семьи было обнаруже-

но некоторое количество ртути и мышьяка. Больше всего мышьяка было найдено в костях княгини Ефросиньи Старицкой (12,9 мг на 100 г) и меньше всего — у ее внучки Марии Владимировны Старицкой (8,1 мг на 100 г). Этим как будто бы подтверждается, что девочку Марию* заставили выпить яд и что Ефросинья была отравлена, а не задохнулась в дыму (см. главу XIV, с. 331). Количество ртути также превышало максимально допустимое для человеческого организма: 0,10 мг на 100 г костей у Ефросиньи и 0,2 мг на 100 г костей — у девочки Марии. Во всяком случае количество мышьяка было значительным, и именно он мог быть использован в качестве яда, так как в таком количестве действует быстрее. Убедительных доказательств отравления других лиц не найдено, за исключением данных, относящихся к князю Михаилу Скопину-Шуйскому, племяннику царя Василия Шуйского, который был убит в период Смутного времени, и в костях которого было обнаружено 0,13 мг мышьяка (на 100 г)**, так что, вероятно, он был отравлен. Во всех случаях количество мышьяка превышало количество ртути. Что касается самого Ивана IV, то количество мышьяка и ртути в его костях очень низкое (мышьяк — 0,15; — ртуть 1,3), причем уровень содержания ртути (1,3) такой же, как в костях Ивана Ивановича.

Количество содержащейся ртути в костях Ивана не свидетельствует о том, что он болел сифилисом и подвергался интенсивному лечению парами ртути, которые в то время были главным средством от этой болезни. Возможно, он принимал соединения ртути в лекарствах или в виде каломели (хлористой ртути) для лечения от других недугов, а они могут вызывать припадки неукротимого бешенства¹⁵. Если Иван действительно страдал от боли, причиняемой остеофитами, и если Бомелий в самом деле был последователем Парацельса, то он мог лечить царя опиумом или его настойкой (лауданумом) для облегчения болей. В сохранившихся записях аптеки, снабжавшей царя, дважды упоминаются семена мака. Считается, что Иван употреблял много спиртного, которое является болеутоляющим средством и не оставляет следов.

* Марией звали также ту дочь Владимира Андреевича, которая уже после его казни была выдана замуж за Магнуса Датского. Остается предположить, что у князя Старицкого было две дочери по имени Мария (от разных жен).

**Непонятное утверждение в сравнении с данными по другим лицам, ср. ниже противоречивые цифры по содержанию мышьяка и ртути.

Какие лекарства готовили врачи в России? Излишне говорить, что все они были иноземцами, приезжавшими в основном из Германии или Голландии. Первым врачом, обучавшимся в Англии (хотя родом он был вестфалец) и оставившим по себе заметную память (как у русских, так и у иностранцев при дворе Ивана IV), был Бомелий, практиковавший с 1569 по 1579 год. В развитии английской и европейской медицины эти годы особенно памятливы, так как в это время медицинским теориям, основанным на традициях Гиппократов и Галенов и широко представленным их последователями в Византии, арабском мире и в Европе, был брошен вызов странствующим швейцарским врачом и алхимиком Парацельсом (ок. 1490 — 1541). Традиционная медицина основывалась на четырех стихиях: земле, воздухе, воде и огне, которым соответствовали холод, сухость, влажность и жар, а также планеты — Сатурн, Венера/Юпитер, Луна и Марс и жидкости — флегма, желтая желчь, черная желчь и кровь. Если равновесие между этими «влажными токами» в организме нарушалось, возникало «расстройство», которое следовало устранить путем восстановления баланса.

Однако неистовый Парацельс был алхимиком в ту пору, когда четкой границы между алхимией и химией еще не существовало, и создал свою космологическую и мистико-богословскую концепцию¹⁶. Он отвергал гуморальные медицинские теории своих предшественников и ставил на их место теорию, основанную на изучении природы и лечебной материи, в которую входили химические вещества, добавлявшиеся в продукты питания. Первичными субстанциями, с точки зрения Парацельса, были ртуть, сера и соль, но он пользовался и другими, такими, как сурьма, цинк и спирт¹⁷. Одной из форм, в которой широко использовалась ртуть, был *mercurius dolcis**, или каломель. Парацельс первым стал применять лауданум, спиртовую настойку опиума, которая стала главным средством снятия боли¹⁸.

Медицинские факультеты университетов в большинстве стран закрывали двери перед парацельсовыми учениками-бунтарями. Однако при королевских и княжеских дворах, особенно в Германии, северных протестантских странах и, возможно, на юге Европы (где работал грек Фьораванти) к ним были более приветливы. Но впервые покровительство новым идеям было оказано при дворе Екатерины Медичи¹⁹. В

* Правильно: *mercurius dulcis* (сладкая ртуть — лат.).

Англии с идеями Парацельса был знаком Джон Ди (как и королева Елизавета), а Берли просил Ди превратить для него неблагородный металл в золото²⁰. Ввиду этих обстоятельств законно будет предположить, что доктор Бомелий оказался в тюрьме Кингс Бенч в 1567 году не столько за лечение без лицензии Кембриджского университета, где, по его словам, он проходил обучение, сколько за подражание Парацельсу²¹.

Как и многие правители XVI века, Иван увлекался алхимией, интересовался превращением простых металлов в золото и свойствами драгоценных камней, что составляло обратную сторону ренессансного научного рационализма. Основным источником алхимических знаний в России XVI века был русский перевод книги «Тайная тайных», где имелись разделы, посвященные магическим свойствам камней и алхимии, в том числе искусству получения золота²². К тому же Иван глубоко верил в колдовство и для защиты от происков своих придворных и врагов приказал *«доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привезти их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией»*, как рассказывает Горсей. По словам Горсея, царский фаворит Богдан Бельский отвернулся от своего господина, *«этого Гелиогабала»*, так как астрологи и колдуны сказали ему, что звезды предвещают неприятности царю и что он умрет в известный день. Тем не менее Иван вел привычную жизнь и готовился в ближайшее время принять польского посла. Однако в начале марта 1584 года он велел монахам ряда обителей молиться за восстановление его здоровья²³.

После гибели Ивана Ивановича положение при русском дворе было, несомненно, таково, что подозрения в насильственной смерти царя выглядят вполне обоснованными²⁴. Сам Иван боялся смерти и всерьез воспринял зловещее предсказание колдунов. Богдан Бельский, которого многие считали царским любимцем, надзирал за приготовлением снадобий в аптекарской лавке. В это время здесь работали голландец доктор Эйлоф, которого считали анабаптистом, и англичанин доктор Аткинс. Судить о том, какие вещества использовались в аптеке, можно по их упоминаниям в нескольких сохранившихся требованиях, полученных от Богдана Бельского в 1581 – 1582 годах; это исключительно растительные средства, в том числе семена красного мака, то есть опий²⁵. Мог ли Иван быть отравлен с помощью отвара из трав? В этом случае Богдан Бельский больше всего подходил на роль отравителя, пос-

кольку он надзирал за аптекой и заказывал все лекарства, предписанные врачами. По одной из версий особые причины опасаться царского гнева были у Бориса Годунова, который присутствовал при нанесении Иваном смертельной раны сыну и пытался защитить невестку царя от его нападок²⁶.

Наследником престола был теперь Федор с его «жалкой улыбкой», но все понимали, что он слишком прост, чтобы править. В то же время он был благочестив, добр и пользовался расположением народа. Его восшествие на престол должно было привести к борьбе за власть при регентстве или в Боярской думе между родственниками Федора со стороны матери, Захарьиными-Юрьевыми в лице его дяди, Никиты Романовича, также популярного в народе, и другими — со стороны жены Ирины, а именно, семьей Бориса Годунова, Иванова фаворита, чья звезда, казалось, начала клониться к закату²⁷. Но был и еще один осложняющий дело момент: наличие малолетнего царевича Дмитрия, которого поддерживали в придворной Думе родственники его матери, Нагие. Они могли попытаться использовать неспособность Федора, чтобы захватить власть от имени юного князя. Предполагается также, что Нагих и Годуновых беспокоил план женитьбы Ивана на леди Мэри Гастингс, которая могла бы привести к появлению на свет новых наследников, закрывающих Нагим путь к власти, потому что леди Мэри была более высокого происхождения²⁸. Но вероятнее всего, что они не верили в возможность осуществления такого альянса.

В последние годы царствования Ивана правящая элита делилась на представителей Боярской думы, управлявшей земщиной, и царской Думой при дворе. Боярская дума представляла собой сплоченную группу богатых бояр (таких, как князья Мстиславские, отец и сын, и Никита Романович Захарьин-Юрьев), тесно связанных между собой браками и прошедших через все испытания за тридцать лет пребывания в ближайшем окружении Ивана. Сюда входили также некоторые высокопоставленные бояре (Сабуров, Федор Шереметев) и два дьяка Щелкаловы²⁹. Придворная Дума включала старшего боярина князя Ф.М. Трубецкого (тоже из верховских князей), двух членов клана Шуйских, Дмитрия Годунова и его сына Бориса, двух представителей семейства Нагих и Богдана Бельского. Еще несколько Шуйских и Трубецких занимали более скромные должности. В Иванову Думу входило также немало выходцев из низшей знати, которые были тесно взаимосвязаны

и действовали сообща. Ключевой фигурой был фаворит царя Богдан Бельский³⁰. Итак, было два кандидата на трон — Федор и Дмитрий, и не менее трех кандидатов на власть — Никита Романович, Борис Годунов и Богдан Бельский. На заднем плане маячило несколько дьяков, влиятельных секретарей приказов, занимавшихся административным управлением и организацией снабжения и перемещения войск. Они редко упоминаются в воспоминаниях иностранцев (за исключением дьяков, ведавших внешними сношениями, вроде Висковатого, до 1570 года, а после этой даты — братьев Щелкаловых).

Если Иван и умер не своей смертью, то, насколько можно судить, не от яда (следы которого имеются), а от удушения руками или удавков, не оставивших никаких следов. Однако, если многие в это время и желали покончить с Иваном, это не означает, что его действительно убили. В этот период (больше, чем когда-либо) он был ограждаем божественной защитой, которая простиралась над всяким царем, и очень трудно поверить в то, что окружающие его бояре решились бы посягнуть на эту духовную преграду, раз уж они никогда не делали этого прежде. «Сакрализация» русского самодержавия, выразившаяся в принятии титула помазанника Божия, уже достигла той стадии, на которой и правитель, и его подданные остерегались бы выступить против набирающей силу традиции³¹. Взвешенная оценка всех свидетельств указывает на то, что царь умер от удушья или от внезапного сердечного приступа после нескольких месяцев болезни.

Вопрос о том, как умер царь, вызывает вопрос о том, как он жил. Был ли он психически неустойчив? Был ли он безумен? Устраивал, подобно Гелиогабалу, оргии? Правдивы ли рассказы о том, что царь растлил сотни девиц, что он заставлял знатных дам, выходя из карет, поднимать юбки, в то время как он со своими вооруженными слугами гарцевал рядом и издевался над ними? В самом ли деле он брал с собой в поездки по пятьдесят женщин, чтобы удовлетворять в пути свои нужды? Действительно ли он приказывал зашивать толстых попов в медвежьи шкуры и бросать их на растерзание собакам?³² Правдивы ли источники этих рассказов? И как они связаны с историями о жестоких массовых расправах?

Необходимо провести границу между различными гранями жестокости. Военные действия сопровождаются истреблением мужчин, женщин и детей. Многие описания таких деяний составлены врагами

Ивана, ливонцами и литовцами, и относятся не только к царю лично, но и к русским (и татарам) вообще. Ужасные подробности этих расправ подробно проиллюстрированы в летучих листках и книгах, изданных в Германии. Но жестокости, совершенные русскими, немцами, литовцами, поляками, татарами или турками, равно как и жестокости, творившиеся любыми воюющими сторонами во время любой войны, мало чем отличаются друг от друга. Иного рода зверства, творимые в отношении собственного народа, совершенные опричниками во время походов Ивана и разорения Новгорода, Твери и многих других городов, детально описанные в русских и иностранных источниках. Наконец, другого рода были пытки и казни, применявшиеся Иваном в отношении личных врагов, тех, кого он считал изменниками. В данном случае также имеются русские источники, например, летописи, и много иностранных источников, причем большего доверия явно заслуживают те чужеземцы, которые жили в России и состояли на царской службе, и потому располагавшие более богатыми сведениями.

Многие рассказы о бесчестьях, нанесенных женщинам, в том числе неназванным дамам высокого происхождения, основаны на западных источниках, оставленных Таубе и Крузе, Шлихтингом, Штаденом, Горсеем, Одерборном и ливонскими авторами, писавшими на немецком языке. Все многочисленные иллюстрации к ним находятся в книгах, напечатанных в Германии и Голландии, а следовательно, попадают под категорию пропагандистских³³. Это не означает, что речь идет о чистом вымысле, но только наивный или пристрастный читатель может принять все эти рассказы за чистую монету. Слишком многое можно отнести на счет больного воображения (наподобие откровений маркиза де Сада) или желания немного подзаработать. Мрачная реальность войны в Ливонии или в России, как и крымских набегов и бесчинств, творившихся опричниками в отношении населения, не нуждается в преувеличении, навеянном черными фантазиями расстроенных умов.

Интересный пример искажений, которым бывает подвержено стереотипное преувеличение жестокостей, являют собой рассказы о происшествии, описанном четырьмя [sic!] иностранцами, двумя протестантами и одним католиком. Речь идет о набеге на Немецкую (Ливонскую) слободу в Москве 1578 года, организованном царем и его сыном Иваном. Автор одного из сообщений, Иоганн Бох, был католиком из Антверпена и, имея охранную грамоту Ивана, путешествовал с

неким заданием, полученным, вероятно, от испанского наместника в Нидерландах. Он получил обморожение и лечился в слободе у царского хирурга, каковым в то время был, видимо, Бомелий.

При нападении опричников на предместье Бох был ограблен, избит и спасся бегством, найдя приют в доме аптекаря. По словам Боха, в ходе рейда жителей слободы избивали и лишали носильных вещей и имущества, несмотря на [sic!] приказ царя: *«Грabitь, но не убивать»*. Во втором рассказе, принадлежащем протестантскому пастору Одерборну, который не был очевидцем события, говорится о том, как царь начал издеваться над несчастными жителями слободы (большинство которых, пишет Одерборн, составляли женщины и дети), а затем *«тиран, ослепленный бешенством, движимый своей варварской свирепостью, обезумевший от ненависти к германской расе»* напал на них. Так как девицы стали противиться насилию, Иван приказал избивать их, вырывать у них ногти, отрезать языки и, наконец, *«протыкать раскаленными кольями»*. На протяжении всей расправы молодые женщины зывали к Иисусу. Горсей (тоже протестант) утверждает, что Иван послал тысячу стрельцов, которые раздевали этих женщин догола, бесчестили и насиловали. Выступая, как обычно, в роли странствующего рыцаря, Горсей предоставил помощь и одежду нескольким молодым женщинам, которые спаслись в Английском подворье. Французский наемник Маржерет, который жил в Смутное время, писал об этих событиях намного позже и по слухам. Он интересуется больше всего причинами налета и лишь отмечает, что обитателей вывели на улицу, раздели как младенцев, а их дома разграбили. Вероисповедание Маржерета не выяснено³⁴.

Можно рассмотреть различные сообщения о жестокости Ивана, опровергнуть наиболее невероятные истории и сосредоточиться на свидетельствах о тех событиях, относительно которых сохранились более многочисленные и разнообразные источники. Имеется ряд сведений из русских источников о введении опричнины; существуют записи о переводе помещиков с места на место; гонения на аристократию описаны в переписке Ивана IV с Курбским, которая ярко отражает человеческие качества участников российской драмы³⁵, а также религиозные и нравственные ценности русского общества, хотя и не всему, о чем там говорится, следует безоговорочно доверять. Но некоторые из событий, упоминаемых Курбским, описываются и в других источни-

ках. О походе на Новгород рассказано во многих из них. То же самое относится и к казням, состоявшимся в Москве в июле 1570 года.

Самое главное, как все эти страшные события соотносятся с собственной жизнью Ивана? Что нам в действительности известно о нем? Общеизвестным считается, что у него было трудное детство, так как он лишился отца в четыре года, а матери — в восемь лет, и был отдан на милость равнодушных бояр. Но единственное свидетельство о небрежном отношении к нему бояр исходит от самого Ивана. Оно содержится в его первом письме к князю Курбскому 1564 года, которое было уже сильно омрачено чувством обиды царя на своих приближенных, относившихся к нему без должного почтения; в любом случае оно написано человеком, которому далеко за тридцать. Все, что мы знаем из русских источников, это что он был беспутным подростком, о котором ходили слухи, будто он любил мучить птиц и животных и имел склонность злоупотреблять своей властью по отношению к взрослым.

Часто говорится о воздействии на русскую культуру падения Константинополя, но при этом не всегда вспоминают о продолжавшемся натиске османов в Юго-Восточной Европе, поскольку он мало затронул западноевропейцев. Но Россию, которая могла быть следующей на очереди, продвижение турок крайне беспокоило, поскольку она уже полностью лишилась культурных контактов с Грецией и Центральной Европой, сохранявшихся до начала османских завоеваний XV и XVI веков. Паломничества в великий православный центр на горе Афон стали опасными и дорогостоящими. Проезд русских посольств в Священную Римскую империю, в Вену и в Рим оказался затруднен вследствие неустойчивости границ Османской державы, которая достаточно гибко управляла своими вассальными государствами, пока они не были окончательно покорены при Сулеймане Великолепном.

Детство Ивана было тяжелым по меркам чадолюбивого воспитания XXI века, но на самом деле оно не сильно отличалось от детства многих других будущих государей. В окружении Ивана, быть может, не было взрослого мужчины, которому он стремился бы подражать, но нам так мало известно о его детских годах, что трудно судить, каким влиянием он подвергался. Наверное, существовало противоречие между его статусом великого князя милостью Божией, которым он стал уже в три года, и его подчиненным положением по отношению к безжалостным боярам. В детстве Иван был очень одинок, особенно после смерти

матери в 1538 году, но он, вероятно, был очень привязан к брату и испытывал к нему самые теплые чувства. О Юрии Васильевиче обычно сообщают, что он был глухонемым и чуть ли не слабоумным. Последнее утверждение, вероятно, несправедливо. Постоянная забота и внимание Ивана к своему брату заставляют поставить вопрос о том, в какой степени их отношения были взаимными. С Юрием всегда обходились уважительно, что соответствовало его сану; иногда, в свое отсутствие, Иван оставлял его в Москве на царстве (хотя, разумеется, исполнением обязанностей государя занимался кто-то другой).

Как бы то ни было, венчание Ивана на царство, его брак и первые военные и политические шаги не были ознаменованы чем-то особенным по сравнению с другими молодыми государями Европы — принцами Валуа во Франции, Эдуардом VI Английским, доном Карлосом в Испании³⁶. Возможно, во время пожара в Москве 1547 года в душу Ивана вкралась тревога, которая впоследствии выливалась у него в настоящие приступы паники. И уже в эпоху походов на Казань он выказал то понимание своей двойкой роли царя и духовного отца страны, которым руководствовался, возглавляя ее в ходе войны. Первый сбой произошел после смерти Анастасии в 1560 году. Многие авторы, начиная с Карамзина, отмечают эту мрачную полосу в жизни Ивана. Однако о ней говорят уже три автора XVII века, очень критически настроенные по отношению к нему³⁷. Многие историки отвергали карамзинский подход, казавшийся им слишком романтическим, и Иван в их представлении становился неотесанным чурбаном, которого политический брак только стеснял. Но тринадцать лет совместной жизни Ивана с Анастасией, вне всякого сомнения, были самым безмятежным и безоблачным периодом в его биографии, и в послании к Курбскому 1577 года есть одна трогательная фраза, которая свидетельствует о том, что царь живо помнил о своей супруге: *«А с женою моею зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены [юницы моей], не было бы и Кроновых жертв»*³⁸.

После смерти Анастасии Иван пустился во все тяжкие и, по-видимому, дал волю своим гомосексуальным наклонностям. Кончина жены не только расстроила его счастье, она была одновременно вызовом его власти. Он потерял близкого человека (а как показала его дальнейшая жизнь, Ивану трудно было обходиться без жены), который был составной частью его замкнутого мира. Эта утрата, хотя она и не была внезапной, безу-

словно, вывела царя из равновесия и повела к развитию зародившейся у него мании преследования, которая заставляла его видеть врагов повсюду и обвинять их в отравлении царицы, как, впрочем, и двух следующих его жен. Любил ли он Анастасию или нет, он нуждался в ее любви и, наверное, чувствовал себя обездоленным, словно второй раз лишился матери. Внешними признаками развивающейся паранойи было жестокое преследование рода Адашевых и растущий список опальных бояр.

Брак с Марией Темрюковной в августе 1561 года, возможно, на некоторое время успокоил Ивана. За успешным взятием Полоцка последовала смерть его брата Юрия, а вскоре затем и митрополита Макария. Это могло усилить у Ивана ощущение одиночества, поскольку уже не с кем было разделить его детские воспоминания. Вероятно, наиболее тяжким ударом для Ивана, задевшим его монаршее достоинство, было бегство Курбского в апреле 1564 года. Характер их взаимоотношений, бесспорно, нуждается в дальнейшем изучении. При сопоставлении всех их посланий заметно, что в некоторых случаях накал страстей у обоих ослепляет их гневом. Видно, что Курбский обуреваем обидой за отвергнутую верность и преданность, а в последнем послании Ивана Курбскому особенно отчетливо проявляется невысказанный намек на измену дружбе. Царь оправдывает себя перед князем тем, что он пресек приписываемые ему попытки возвести на трон Владимира Старицкого вместо него. *«Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По божьему изволению с рождения был я предназначен к царству ... на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем?»*. Все это, как утверждает Иван, следствие самовольства Курбского: *«Если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось»*. В заключение царь делает еще более психологическое заявление: *«И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще решительнее начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней господней и осквернили ее!»*³⁹, — намек на участие Курбского в кампании Стефана Батория против православной Руси. Иван не может простить Курбского за то, что тот не подчинился его воле, потому что волен только царь, а подданный должен служить ему до последней капли крови.

Однако пьянство, разгул, благочестивые бдения и садизм, которым Иван стал предаваться после учреждения опричнины, его затворничество в Александровской слободе и последствия казней и опалы, постиг-

ших самых способных из его военачальников в самый канун войны с Польшей-Литвой в Ливонии, ускорили наступление кризиса.

В первом послании Ивана Курбскому, написанном в июле 1564 года, мания преследования уже усугубляется манией величия, что вылилось в учреждение опричнины в качестве гарантии дополнительной безопасности. Однако эта мера оказалась недостаточной и не защитила царя от внешних врагов, как показала в 1569 году смерть его второй жены Марии Темрюковны, наступившая, по его мнению, от яда. Насколько глубоко это событие затронуло его душу, трудно сказать, но подозрение в том, что царица погибла от яда, в то время как семья Ивана укрывалась в Александровской слободе, несомненно, должна была приводить его в смятение. Тогда же Иван был потрясен известием о свержении Эрика XIV Шведского, с которым он вел переговоры о выдаче Екатерины Ягеллонки, жены королевского брата Юхана. Обида, нанесенная отказом в руке Екатерины десять лет назад, все еще терзала Ивана и могла быть смыта только громкой мстью. Эрика предали и заключили в тюрьму его приближенные, и королем стал его брат Юхан. Не было ли это предостережением для Ивана, которого таким же образом мог сменить на престоле Владимир Старицкий? Поход на Новгород и казни «изменников» в Москве должны были устранить угрозу со стороны тех лиц, которые могли поступить с ним так же, как поступили с Эриком XIV. Затем осенью 1571 года была отравлена третья жена царя Марфа Собакина⁴⁰. Она умерла вскоре после ужасного нашествия на Москву крымских татар, во время которого значительная часть города была разрушена. Не тогда ли был написан «Канон» от имени юродивого Парфения, в котором Иван с отчаяния просит архангела Михаила даровать ему легкую смерть, избавить его от страха и дать возможность покаяться, а также молит Богоматерь о заступничестве и об упокоении?⁴¹

Однако психика Ивана становилась все более неуравновешенной, и на этом этапе он утратил всякий контроль над собой, яростно нанося беспорядочные удары. Ему уже было около сорока, и паранойя с годами усиливалась. Смерть трех жен служила доказательством того, что царь не всесилен и что он не может защитить даже собственную семью; это ставило под удар всех, окружавших Ивана, который был движим чувствами мести и самосохранения. Обнаруживались скрытые до поры признаки тяжелого расстройства психики. Иван не желал мириться с ограничениями своей власти не только на словах, но и на деле; он не

признавал отвлеченных нравственных норм, по которым можно было бы судить его поступки. Никто не должен был перечить ему. Все, что он делал, было справедливо и оправданно, ибо он был подобен Богу.

В это время Иван стал более коварен, пытаясь хитростью разоблачить предполагаемых врагов; стремясь любой ценой раздобыть убедительные доказательства измены, он переставал видеть различие между добром и злом. Именно теперь при переговорах с иностранными державами Иван становится все более нетерпим с теми, кто не желает именовать его царем, и все чаще упоминает о своем происхождении от брата Августа Пруса. Столь надменное убеждение в божественной природе царской власти часто приписывают влиянию Макария, который, безусловно, верил, что Иван правит милостью Божией, и воспитывал его в *«самодержавном»* духе. Однако еще Иван III провозгласил свое право казнить и миловать, и теоретическое обоснование его власти было таким же, как и у королевы Елизаветы, которая утверждала: *«Ее Королевское Высочество единолично управляет сим королевством ... как в духовных или церковных делах ... так и в светских»*⁴².

Однако Иван дошел до такого состояния, когда утратил всякое чувство меры в употреблении власти, которая в его понимании была не просто абсолютной, но ничем не ограниченной.

Таким образом, Иван несет личную ответственность за смерть Ивана Федорова-Челяднина, погубленного за то, что тот якобы *«хотел быть царем»*; за смерть своего двоюродного брата Владимира Старицкого, его жены и девятилетней дочери — князь был убит за то, что состоял в родстве с царской семьей и мог унаследовать трон, хотя Ивану Ивановичу в это время уже исполнилось пятнадцать лет; и еще за гибель тысяч новгородцев, заподозренных в измене (что бы под этим ни понималось). Необъяснимой остается леденящая кровь расправа на Поганой луже 25 июля 1570 года. Это была зрелищно обставленная ужасная месть людям, которые еще несколько дней назад были ближайшими соратниками царя и не могли соперничать с ним в борьбе за власть, будучи его верными слугами, в первую очередь, Висковатый и Фуников. Внезапно они были со всей жестокостью стерты с лица земли. Одновременно Иван избавился от трех бывших вождей опричнины — Вяземского и двух Басмановых⁴³.

В поступках и в посланиях Ивана к Курбскому проявляется его полная неспособность принимать во внимание иные точки зрения, кроме его собственной, и испытывать сострадание к тем, кого он считал нуж-

ным устранить; а также его странное равнодушие к судьбам их жен и детей. Высказывалось мнение, что это свойство характера Ивана было обусловлено существовавшей в России традицией рассматривать клан или род как субъект коллективной ответственности за такие тяжкие преступления, как измена. Быть может, этим объясняется практика полного истребления отдельных семей, чтобы для царя была исключена любая опасность с их стороны. Это же соображение относится и к запрещению жениться некоторым влиятельным боярам. Но бесчеловечность Ивана выходит за пределы подобных общепринятых тогда мер предосторожности. Он как будто бы не хотел оставлять в живых никого, кто мог бы молиться за мертвых.

Впрочем, поведение и решения Ивана были в высшей степени непоследовательными. И.Ф. Мстиславский несколько раз был вынужден собирать огромный денежный залог, чтобы обеспечить себе свободу, но он вступал в брак дважды, имел двух сыновей и пережил царя. (Правда, он не был Рюриковичем.) А М.И. Воротынский, достигнув выдающихся успехов на военном поприще и попав в опалу на несколько лет, спас Москву от татар и через два года после этого умер от болезни, но оставил нескольких сыновей⁴⁴. Трудно очертить определенную линию поведения царя в отношении его придворных, разве что почти автоматическое приближение ко двору родственников новой жены и столь же автоматическое их отстранение после ее кончины или развода. Историки потратили массу времени, стараясь отыскать следы борьбы разных группировок, но царские фавориты сменяли друг друга бесконечной чередой без всякой политической подоплеки.

Существовал один фактор, который мог внушать царю особые опасения, а именно, наличие значительной аристократической прослойки, состоявшей главным образом из князей, тесно связанных между собой благодаря бракам и густой сети поручительств. Этот слой знати противостоял царю и в дальнейшем был переведен им в ряды земщины. Браки, несомненно, способствовали закреплению родства между кланами, но еще более тесные связи обеспечивались взаимными гарантиями. Единственное, что остается неясным, это отсутствие сведений о каком-либо использовании царем упомянутых денежных залогов⁴⁵. Система круговой поруки охраняла царя от угрозы со стороны князей и бояр, но она также защищала князей и бояр от царя. Все общество представляло собой запутанный клубок связей.

Почему приближенные Ивана терпели столь зверское обращение с собой? Почему они не покушались на него? Этот вопрос даже не ставился теми историками, которые видели в нем нечто вроде невежественного болвана, руководимого влиятельными придворными, возглавлявшими борющиеся между собой группировки. Но кажется невероятным, чтобы начиная с 1560 года могущественные бояре мирились с жестокими гонениями со стороны опричников, расправившихся с Горбатым-Шуйским, Иваном Федоровым, Владимиром Старицким и митрополитом Филиппом, если бы эти репрессии исходили только от людей, прикрывавшихся именем Ивана. Подобные избиения должны были опираться на авторитет помазанника Божия и харизматического монарха, и насколько можно судить по данным различных источников, Иван обладал достаточно внушительным и властным характером, а психическое расстройство не сказалось на его умственных качествах. Имперский посол Принц из Бухова, например, и Поссевино были куда более пронизательными и не столь резкими в своих суждениях об Иване, чем английский пуританин Флетчер, никогда не видевший царя. Боус и Турбервилль продемонстрировали заурядную английскую ксенофобию, в то время как Дженкинсон и Горсей проявили больше понимания, хотя их известия часто отменяются как малоинтересные именно потому, что они не так критичны. Они склонны проводить разграничение между личностью Ивана и его деяниями⁴⁶.

Один историк высказал предположение, что тиранические наклонности и свирепость Ивана представлялись его современникам адскими муками, ассоциировавшимися со Страшным судом. Загробный мир отождествлялся не только с огнем, но и с водой, огненным омутом или ледяной рекой. Этим объясняется такой способ казни, как утопление, понятный для народа, разделявшего с жестоким царем свои верования.